

Увидев Гу Юя, Цзян Хунмэй даже расхотела полоть сорняки — ей хотелось лишь поговорить с ним о вчерашнем дне и выплеснуть скопившуюся на душе обиду.

Она посмотрела на него полным затаенной скорби взглядом, сжала руки и жалобно позвала:

— Гу Юй, мне нужно с тобой поговорить, подойди на минутку, ладно?

У Гу Юя дернулось веко. Словно не слыша ее, он отвернулся в другую сторону и продолжил махать мотыгой. Шэнь Цзянань, заметив, как тот прикидывается дурачком, едва сдержал смех. Он тоже сделал пару шагов вперед, развернулся в противоположную от нее сторону и встал к ней спиной.

Цзян Хунмэй почувствовала себя еще более обиженной и, не выдержав, сорвалась на крик:

— Гу Юй, я с тобой разговариваю! Ты слышишь меня нет?!

Ее голос был таким громким, что его услышали даже работавшие поблизости крестьяне. Они один за другим подняли головы и уставились на нее.

— Чего это знающая Цзян удумала? Срань господня, работать не работает, опять капризничает!

Один здоровяк бросил реплику соседу:

— Да кто ее знает? Вечно устраивает цирк, смотреть противно!

Его баба тут же оживилась, намеренно согнулась в три погибели и, лукаво поглядывая на мужа, поддела его:

— Эй, а раньше-то ты совсем не так говорил! Говорил, женщина должна быть такой... ну, мягкой, словно водяная...

— Тьфу ты, ну ты!

Мужчина с досадой отвернулся:

— Ты всё перепутала! Больше всего на свете я терпеть не могу баб, которые целыми днями только и делают, что режут в три ручья!

— Ладно-ладно, пусть будет по-твоему, доволен? — женщина вовремя удержала пыл и вмиг смягчила тон.

Однако остальные думали совсем иначе. Заметив, как все вокруг раздражает эта девица, Нью Чуньхуа обвела присутствующих хищным взглядом исподлобья, уперла руки в бока и повернулась к полевой меже.

— Бригадир! Учетчик! Тут кое-кто отлынивает от работы, да еще и пристаёт к другим образованным юношам и девушкам, мешает всем трудиться!

Услышав это, Чжао Ган и Чжао Хунцзюнь ловко в несколько прыжков подскочили к ним:

— Кто?! Кто тут лодырничает и срывает рабочий процесс?

— Она!

Нью Чуньхуа вытянула руку в сторону Цзян Хунмэй, которая как раз опомнилась и собралась было ретироваться обратно в поле, задрала подбородок и самодовольно заявила:

— Да вот эта самая! Все пашут в поте лица, а она одна устроилась на меже и канючит, пристаёт к знающему Гу. Он ноль внимания, а она всё верещит и верещит, прямо как течная кошка, тошно до жусти!

— Тьфу! Что за выражения, деревенщина!

Чжао Ган зыркнул на нее, нахмурился, перевел взгляд на едва не плачущую Цзян Хунмэй и спросил:

— Знающая Цзян, вы...

— Я, я ничего такого! Вы все на меня набросились, ууу...

Не дав ему договорить, Цзян Хунмэй закрыла лицо руками и залилась слезами.

Чжао Ган опешил. Он ведь еще и рта толком не раскрыл! С чего это знающая Цзян вдруг распустила нюни? Она что, из тофу сделана? Чуть тронь — и развалится?

— Чего удумала? Чего удумала?! Перед кем это слезы льешь?

У Чжао Хунцзюня был крутой нрав. Увидев, что Чжао Ган еще ничего толком не сделал, а эта девица уже норовит измазать их грязью, он тут же разъярился, подскочил к краю межи и гаркнул снизу вверх:

— А ну выкладывай давай, кто тебя обидел? Кто тебя обидел, а?! Сказал же тебе, клеветать на людей тоже надо в каких-то разумных пределах!

Голос у него и без того был луженый, а уж сейчас каждый вопрос звучал громче предыдущего, раскатываясь пушечными выстрелами. От такого напора Цзян Хунмэй занервничала, исподлобья взглянула на помрачневшего Чжао Гана и, поджав губы, принялась оправдываться:

— Я... я не вас двоих имела в виду! Я про Нью Чуньхуа, Чжао Хунъин, Ли Чжаоди, Чжао Цзяньго, Гу Юя, Шэнь Цзянана, да и вообще про всех из пункта значащейся молодежи!

Она палец за пальцем перечисляла тех, кто только что отчитал ее, и в ее глазах кипели обида и злость. Вот только она не заметила, как у окружающих от такого длинного списка задействованных лиц начали меняться лица.

— Цзян Хунмэй, у тебя совесть вообще есть?

— Точно! Чего ты мелешь? Когда это мы с мужем тебя обижали?

— Да уж хватит! Откуда у тебя столько драмы каждый день?

— И чем мы ее обидели? Мы мимо нее ходили — и то не задевали, какая обида-то?

— Да кто ее знает? Наверное, с головой не в порядке!

Видя, что никто из них не признает вины, Цзян Хунмэй почувствовала себя еще более несчастной. Ее глаза покраснели еще сильнее, а слезы полились рекой, словно стоили сушие копейки:

— Вы же только что все наперебой клеветали на меня! Говорили, что я вечно капризничаю, нормально не работаю, а за глазами еще и грязью поливаете, гадости про меня болтаете!

Слушая это, толпа чуть не сходила с ума от злости. У людей в голове крутилась одна мысль: эта девица часом не головой об воду ударилась? Пусть даже Нью Чуньхуа выразилась резковато, но ведь правду сказала!

Ранним утром все до единого спешили закончить работу к сроку. А она? Мало того что палец о палец не ударила, так еще устроила рев на меже и мешала людям работать. Кто на такое посмотрит и не сплюнет с досады?

— А ты сама-то нормально работала?

Знающая Ли Цзяоцзяо подошла к ней, дернула за рукав и бросила в сторону холодным голосом:

— Разве ты только что не капризничала? Разве люди тебя оклеветали? Кто и когда поливал тебя грязью за глаза? Назови имена!

Вопросы сыпались на Цзян Хунмэй один за другим. Ли Цзяоцзяо до смерти надоела эта глупая баба, которая устраивает истерики где ни попадя, да еще и людей обвиняет. Но главное — понимает ли она вообще, что своим поведением не только вызывает всеобщую ненависть, но и создает проблемы им всем?

Образованная молодежь отправлялась в деревню по зову партии, но поскольку почти никто из них сроду не держал в руках сельхозинвентарь, после приезда они доставили местным немало хлопот.

Пусть сельчане не жаловали их, но в горячую пору страды многие старики и взрослые,

закончив со своими наделами, неизменно помогали знающей молодежи с уборкой.

Хотя втайне за это полагалось платить небольшое вознаграждение, всяко лучше, чем надрывать спину в одиночку и сорвать план. Именно поэтому приезжие порой терпели обиды и, пока те не переходили разумные границы, старались не принимать их близко к сердцу.

Вот за пару лет отношения с местными как-то и наладились — пусть не идеальные, но вполне сносные. А эта девица хороша! Одной фразой умудрилась настроить против себя абсолютно всех.

Ей-то самой, может, и полегчало, а расплачиваться за нее теперь всем остальным? И как после такого им теперь жить бок о бок с деревенскими?

От этих мыслей Ли Цзяоцзяо закипала от гнева. Раз уж Цзян Хунмэй начисто плевать на положение и чувства окружающих, то и церемониться с ней нечего, иначе в дальнейшем страдать придется им самим.

— Цзян Хунмэй, раз уж тебе кажется, что все в нашем пункте только и делают, что обижают тебя, тогда отлично. Раз уж здесь присутствуют бригадир и учетчик...

Ли Цзяоцзяо шагнула вперед, указала пальцем на помрачневших мужчин и резко приказала:

— Подавай им заявление на переезд! Наш пункт знающей молодежи мал, твоих великих заслуг нам не вместить.

Лицо Цзян Хунмэй моментально побелело как бумага:

— Я не...

— Бригадир, учетчик!

Не дав ей опомниться и взять слова назад, Ли Цзяоцзяо во всеуслышание вывалила наружу вчерашнюю историю со ссорой:

— Вчера вечером Цзян Хунмэй привязалась к Гу Юю с требованием починить крышу в нашем пункте знающей молодежи...

В итоге та ушла и пропала. Они закончили ремонт уже после семи, когда вокруг стояла непроглядная тьма. Ребята из пункта испугались, как бы с ней чего не случилось, даже ужинать не стали — бросились искать по всей округе.

А позже обнаружили ее у речки. Спросили в чем дело, а оказалось, что она вернулась давным-давно, только вот обиделась, настроение испортилось, и она решила подышать свежим воздухом у воды. Знающие ребята чуть рассудка не лишились от такой злости!

Все крутились как белки в колесе, а она? Мало того что сбежала с другим мужиком, так еще, закончив дела, даже не соизволила вернуться и приготовить еду, напрочь позабыв про свою очередь дежурить по кухне.

И главное — мало того что она была виновата кругом, так она еще и рта никому не давала раскрыть! Докатилась до того, что обвинила всех в эгоизме, заявив, будто они искали ее лишь из-за нежелания готовить.

Ли Цзяоцзяо трещала без умолку, а окружающие слушали ее с отвисшими челюстями. Даже Гу Юй с Шэнь Цзянанем бросили работу, чтобы послушать свежие сплетни: они никак не ожидали, что Цзян Хунмэй способна проявить столь беспросветный эгоизм и слабоумие.

Шэнь Цзянань же мысленно недоумевал: с какой стати автор вообще выписал главную героиню с настолько искривленным мировоззрением и откровенно пустой головой? Неужели тот не боялся читательских проклятий?

Впрочем, неважно. Чем больше людей настроит против себя Цзян Хунмэй, тем меньше шансов у этого психопата Чжао Цзяньго крутиться возле нее, а значит, они с Гу Юем будут в куда большей безопасности.

Шэнь Цзянань уже мысленно торжествовал, как вдруг в голове гулко зазвенело. Ощущение было такое, будто его окунули с головой в воду — в ушах заложило, дыхание мгновенно сбилось, а от накатившей дурноты пришлось тряхнуть головой.

Картинка перед глазами стремительно поплыла, исказилась и наложилась сама на себя. В следующее мгновение в сознании раздался странный, гудящий подобно огромному колоколу звук, не умолкавший ни на секунду.

В глазах у Шэнь Цзянаня потемнело, и он провалился в какое-то странное пространство, где в мозг потоком хлынули мириады незнакомых знаков, словно древние заклинания.

Сердце заколотилось как безумное. Разве всё это — не сюжет романа «Эпоха семидесятых: Моя бурная жизнь с белым лотосом-главной героиней»?!

К чему всё это? Чего добивается этот голос, заставляя его что-то делать?

[Сюжет отклоняется от нормы, главная героиня подвергается опасности, хозяин должен немедленно спасти ее! Немедленно спасти!]

В голове у Шэнь Цзянаня отчаянно закололо. Он со стоном стиснул зубы. Что за бред? С какой стати он должен ее спасать? С какого перепугу ему спасать главную героиню?

Холодный металлический голос, словно уловив его мысли, вновь прозвучал прямо из ниоткуда:

[Задача хозяина — двигать сюжет вперед и позволить главным герою и героине благополучно сойтись. Остальное тебе знать не положено. Получено указание, приступай к исполнению!]

—

Шэнь Цзянань тяжело отдувался. На душе было так скверно, словно он наелся мух. В этот момент он люто ненавидел этот голос: ради того чтобы сводить парочку главных героев, его толкали на добровольное самоубийство, используя любые грязные методы! Он не удержался от ругани:

— Пошел ты к черту! С какой стати мне спасать Цзян Хунмэй?!

[Если хозяин откажется следовать сюжету, его ждет суровое наказание. Последствия тебе не по силам вынести.]

— Так давай, валяй! Кто кого боится? Всё равно я в своем реальном мире уже загнулся, эти два дня достались мне даром, так что помереть во второй раз — плевое дело!

Шэнь Цзянань не собирался прогибаться ни под какие голоса или системы.

[Но ведь ты уже хозяин системы, нельзя же быть настолько безответственным перед лицом профессионального долга!]

Шэнь Цзянань физически ощутил, как в этом бездушном механическом голосе прорезались обиженные нотки. Только какая ему разница?!

— Я вообще-то добровольно в эти хозяева не набивался!

В голове трещало так, будто черепная коробка готова расколоться от тяжести. Сознание стремительно ускользало.

Он изо всех сил прикусил кончик языка до жгучего привкуса ржавчины и, возвращая себе хоть каплю ясности мысли, резко ответил:

— Раз уж тебе нужен кто-то с чувством долга, отправь меня обратно и найди другого кандидата, в чем проблема-то?!

[.....Сценарий уже привязан, замена невозможна.]

— Тогда завали пасть!

Яростно прорычал парень и тут же насмешливо бросил оппоненту:

— Так тебе и надо! Кто просил вас затягивать меня сюда, в эпоху дефицита всего на свете, даже не удосужившись спросить согласия?

[.....Если хозяин пойдет против первоначального сюжета, наказание постигнет и тебя, и Гу Юя. Пусть тебе наплевать на собственную шкуру, но о нем-то подумать стоило бы — как-никак, а к тебе он относится хорошо.....]

— Чушь! К оригиналу он хорошо относится! А не ко мне.

Шэнь Цзянань злобно парировал. Он заметил, что стоило этой штуке заговорить, как в голове снова начинало мутиться. Он крепко сжал кулаки, впившись ногтями в ладони до крови, и лишь за счет этой боли удерживал остатки рассудка:

— Вот только бедняга оригинал уже мертв. И умер он по милости вашей с вашей кривой моралью!

Парень дал понять, что не собирается вестись на дешевые манипуляции этой дурацкой системы и авторов сюжета!

[.....]

Система же впервые столкнулась с настолько неуступчивым носителем и на какое-то время просто растерялась, не зная, что предпринять. Впрочем, не успела она опомниться, как Шэнь Цзянань развернул бешеную атаку, поливая ее трехэтажным матом без единого повтора:

— Крыша течет — сиди дома, нечего к людям соваться со своим больным сюжетом! Как вообще можно было сгенерировать такую извращенную логику?

Ради двух умственно отсталых калек вы калечите меня, прежнего владельца тела и Гу Юя..... Я что, больной на всю голову, чтобы точно знать, что я пушечное мясо, и при этом лезть спасать главную героиню, приближая собственный конец? Я по-твоему, с катушек съехал?

[.....Ты же только что утверждал, что смерти не боишься?]

— Разве умереть по собственной воле и сдохнуть из-за того, что меня подставили — это одно и то же?!

Шэнь Цзянаню показалось, что после знатной отповеди в голове прояснилось, а дышать стало много легче. На губах расцвела презрительная улыбка:

— Раз уж ты сама способна расстраиваться из-за моего непослушания, с какой стати мне слушаться тебя и идти на верную смерть ради чужого счастья? Я тебе не бодхисаттва, спустившийся с небес ради искупления грехов, чтобы приносить себя в жертву ради высшего

блага!

[Но... но если хозяин нарушит сюжет, даже если сейчас всё обойдется, при любом отклонении в дальнейшем тебя и Гу Юя всё равно принудительно выведут из игры...]

— Тьфу! Сколько можно молоть языком!

Шэнь Цзянань звонко оборвал её и сквозь зубы процедил:

— Разве я не выразился предельно ясно? Жить или умереть — для меня теперь почти одно и то же.

Что до Гу Юя... Считаю меня эгоистом, но я не собираюсь ломать себя ради человека, с которым знаком едва пару дней.

[.....Но сейчас ты и есть оригинал, а оригинал — это ты. Раз Гу Юй хорошо относится к нему, значит, он хорошо относится и к тебе. Как у тебя рука поднимается обречь его на страдания? Раз ты всё равно пресытился жизнью, почему бы не пожертвовать собой ради общего блага?]

— Брехня собачья!

Дыхание Шэнь Цзянаня вновь участилось, в голове потяжелело. Он отчаянно мотнул головой, не ожидая, что эта гадина окажется настолько подлой — даже сейчас она пыталась промыть ему мозги! Взбешенный до предела парень выплюнул с ненавистью:

— Хочешь моей смерти? Ладно! Тогда перед тем как сдохнуть, этот юноша собственноручно прибьет обоих главных героев, чтобы твои планы рухнули к чертям собачьим! Посмотрим, что ты тогда сделаешь?!

С этими словами он изо всех сил вскинул мотыгу и в ярости мысленно рявкнул:

— Сначала проломлю череп этой Цзян Хунмэй, а потом займусь Чжао Цзяньго!

Не помня себя, он ринулся вперед — прямо туда, где на краю межи сцепились в клубок катящиеся по земле Цзян Хунмэй и Ли Цзяоцзяо.

— Я прибью тебя! Убью!!!

Стоявший неподалеку Гу Юй заметил движение парня и от ужаса истошно завопил:

— Цзянань, не глупи! Опомнись!!

Услышав крик, остальные тоже вышли из оцепенения и загалдели:

— Знающий Шэнь / Шэнь Цзянань, прекрати! Не делай глупостей!

А Цзян Хунмэй от страха схватилась за голову и завизжала на всю округу:

— Ай! Не бейте меняо-о-о———

[Не надоооо..... ЧШ-Ш-Ш.....]

Десятки голосов в голове Шэнь Цзяняня внезапно слились воедино, породив оглушительный грохот, подобный ключу, способному отпереть древние врата тайны. Его разум в ту же секунду прояснился.

В следующее мгновение назойливый голос испарился. Перед глазами вновь возникли бесчисленные строки текста, стремительно влетающие в сознание.

Только вот сам сюжет сильно изменился, став донельзя запутанным и совершенно непохожим на прежний, к тому же в нем зияло множество пропусков. Увы, Шэнь Цзянань не запомнил ничего, кроме фразы в самом конце последней главы:

————История не закончена, новая глава вот-вот начнется.

<http://bllate.org/book/22418/2353674>